

3. Орлова И.Б. Евразийская цивилизация: социально-политическая ретроспектива и перспектива. - М., 1998.
4. Хандингтон С. Столкновение цивилизаций? //Полис.- 1994.- № 1.
5. Тойнби А. Дж. Постигание истории. - М.: Прогресс, 1991.

УДК 316.752 + 77, 304.3, 316.42

Яковук Т.И.

АФИЛЯЦИОННО-АЛЛОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ ПЕРИОДА СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Наше исследование динамики ценностей белорусской молодежи зафиксировало не только свойственный молодежи первого поколения системной трансформации индивидуализм и ярко выраженное стремление к независимости, но и высокую значимость в аксиологической структуре ее социального знания афiliationно-аллоцентрических ценностей. Молодежь живет в мире, в котором функционируют видимые институты и центры "давлений", но, несмотря на это, у нее есть огромная палитра возможностей индивидуальной креации собственной жизни. Этот климат свободы замечен молодежью, отсюда собственное существование воспринимается не в категориях общественного принуждения, а (даже в восприятии конформистов) как результат суверенного выбора. Нонконформистское меньшинство в процессе личностной эмансипации отбрасывает навязываемые общепринятые нормы и выбирает собственные мировоззренческие феномены, поэтому у этой части молодежи нет ощущения жизни в аномии, пустоте.

Проблемы возникают на уровне межличностного общения, причем, не в общении со старшими поколениями, а в самой молодежной среде. Молодежь стремится к поддержанию "хороших отношений", что не является характерной чертой данного поколения: 96% респондентов против 100% в поколении "перелома". Но, тем не менее, в молодежных группах возникает "давление среды", требующее "не выделяться слишком". Подчинение этому давлению молодежь воспринимает в категориях конформизма: *не люблю атмосферу конформизма*. Высоко оценивая независимость, большинство белорусской молодежи все-таки исповедует, как свидетельствуют данные исследования, убеждения конформизма среды. Некоторые высказывания в интервью сигнализируют о том, что отказ от конформизма в пользу проявления собственного "я" является для молодежи определенной психологической проблемой. Поэтому молодежь в своем большинстве стремится к тому, чтобы в отношении к окружению сохранять свою автономность, независимость, поскольку за отказ от конформистских ориентаций приходится платить определенную цену, которую в научной литературе называют нарушением афiliationной интеракции [1]. Только незначительное меньшинство (17%) способно во имя независимости внести эту оплату. При этом не следует забывать о том, что наша оценка основана на вербальном уровне, уровне высказываний и ответах респондентов на вопросы анкет. Существует еще одна цена независимости, фиксируемая молодежью. В интервью появлялись сигналы этой цены: во взаимоотношениях, базирующихся на реализации принципа независимости в большинстве случаев нарушаются потребности *общности и связи*, в результате чего создаются свободные взаимоотношения между людьми, которые не только не доставляют удовлетворения, а даже неосознанно рождают напряженность. Однако объяснение низкой популярности нонконформистского мировоззрения в среде этого поколения скрывается не только в боязни свободы межличностных отношений и связанной с ней напряженности, но и в массовом признании высокой значимости афiliationно-

аллоцентрических ценностей, причем в основных областях психики.

О значимости для респондентов хороших взаимоотношений с другим человеком свидетельствуют ответы на вопросы ряда анкет. Так, только 17% респондентов поддержали суждение: *У такой ситуации есть свои хорошие стороны. Она дает понять, что человек может рассчитывать только на себя. Закаляет дух и характер. При этом можно углубить внутренний мир, лучше развить свою индивидуальность, сформировать убеждения, не "согласовывая" их с другими. Знать кто я и какой я. Люди, в общем-то, мне не нужны.* 56% респондентов решительно отвергло высказывание, 27% придерживаются иного мнения. Низкая популярность ответа свидетельствует о том, что в этом поколении молодежи массовое одобрение независимости не отождествляется с культом индивидуалистического внутреннего одиночества. Весьма показательна в этом отношении оценка молодежью следующего суждения: *Жизнь полноценная - это такая, которая основана на связях с другими, пусть только избранными людьми. Только контакт с другими развивает человека, дает ему чувство удовлетворения, опоры. Однако я думаю, что и жизнь с внутренним одиночеством, пусть даже инвалидность, может иметь для меня какую-то ценность.* 77% опрошенных молодых людей однозначно поддержали высказывание, 19% не совсем с ним согласились, и лишь 7% в спонтанном ответе на вопрос анкеты предпочли жизнь с инвалидностью, вырывающей человека из обычного круговорота жизни, посчитали такую жизнь никчемной.

Несмотря на то, что афiliationный контакт с людьми в иерархии ценностей молодежи не занимает первого места, тем не менее, он является исключительно важной ценностью поскольку: а) она редко отбрасывается, б) часто признается ценностью очень важной, в) часто отождествляется со смыслом жизни. При использовании каждого из перечисленных критериев в иерархии значимости эта ценность постоянно занимает одно из ведущих мест. Но не только эти результаты являются значимым показателем афiliationных контактов в жизни молодежи. Такая высокая оценка хороших отношений с другими людьми не случайна: она может быть результатом тотального одиночества. Об этом свидетельствуют уровни корреляции одобрения этой ценности с уровнями корреляции других ценностей, например, с ценностью жизни, которая не обязывает соперничеству (фактор корреляции -0,22), постоянный партнер в жизни (фактор корреляции 0,21), выполнение интересной профессиональной работы (фактор корреляции 0,17), удачная семейная жизнь (фактор корреляции 0,15).

Как свидетельствуют приведенные данные, корреляции складываются в единое целое. В оппозиции остаются тенденции к афiliationи с *иными* и позитивное отношение к соперничеству. Слабые связи проявляет афiliation с ценностями *любви и счастливой семейной жизни*. Респонденты, поддержавшие ценность одинокой жизни одновременно высказали поддержку ценностей бездетности, жизни без любви, деструкцию семейной жизни. Относительно многочисленные корреляции

свидетельствуют о том, что в социальном знании этого поколения молодежи сложилась антиафилиционная модель. Можно также заметить, что ценность афилиция является существенным элементом дихотомического раздела молодежных убеждений, причем противники этой ценности составляют незначительное меньшинство.

О важном значении афилиции красноречиво свидетельствуют и результаты оценки следующего суждения: *Для человека важно, чтобы он умел интегрироваться с другими, не бояться, что будет отброшен, нельзя быть подозрительным*. Это высказывание является своеобразным идеологическим манифестом респондентов, который в различных контекстах с различными формулировками появлялся практически во всех 70 свободных интервью. В оценке суждения при анкетировании его полностью поддержали 63% респондентов, 13% не совсем согласились с ним, отвергли 20% молодых людей. Именно в контексте афилиционных ценностей в рассуждениях моих собеседников проявлялись общеполколенческие убеждения. Интересны также высказывания, коррелирующие с уровнем акцептации именно этого высказывания. С ним коррелируют те из рассматривавшихся нами ранее, в которых активно выражаются: а) эмпатические убеждения по отношению к другим; б) устойчивость по отношению к жизненным трудностям и неудачам; в) склонность к путешествиям как возможным шансам более близкого знакомства с новыми людьми и культурами; г) постулат о существовании единого культурного канона; д) признание независимости в тех аспектах, в которых она является аксиологической ценностью и "визитной карточкой" поколения.

Представленные корреляции помогают постичь социальное знание поколения, в котором открытость по отношению к другим не является убеждением, за которым прячутся и ищут защиту, не является она и проявлением конформизма, характерного для этого поколения молодежи. Эта открытость, на наш взгляд:

1. объясняется определенной смелостью, силой, сопротивляемостью, жизненной отвагой молодежи;
2. связана с тем, что данному поколению кажется притягательным и правильным в сфере культуры, общим культурным каноном, облегчающим межличностное понимание, с одновременной направленностью на познание разнородности культур через путешествия;
3. она является доказательством тезиса, представленного в предыдущем разделе, касающегося того, что в социальном знании поколения категория *независимости* не является аксиологической оппозицией категории *общность*. Т.е., чем сильнее молодежь ценит свободу личного выбора и чем больше убеждена в том, что независимость является неотъемлемым атрибутом ее поколения, тем сильнее она идентифицирует себя с афилиционными убеждениями. Этот феномен можно интерпретировать так, что индивиды, особенно остро ощущающие своеобразный груз, тяжесть независимости, рекомпенсируют связанную с этим психологическую напряженность поисками афилиции, поэтому данные понятия в аксиологическом контексте не предстают перед молодежью как дихотомические;
4. определяется и тем, что афилиция не является только личной потребностью в доброжелательных отношениях с другими людьми. Молодежь не просто стремится к доверию, любви, взаимопониманию и сердечности в отношениях - она уверена в том, что так *должно* быть, т.к. каждый *должен* доверять, уважать чужое мнение, нести добро людям.

Последнее суждение переносит нас в плоскость аллоцентрично-афилиционных убеждений молодежи первого поколения системной трансформации. Убеждений, согласно которым мы все хотим быть объектом доброжелательности и по-

нимания, испытываем потребность в активной помощи другим людям. О высокой значимости аллоцентрично-афилиционных убеждений в социальном знании этого поколения свидетельствует оценка респондентами суждения: *Я уважаю людей веры за определенные универсальные ценности, которые они провозглашают: любовь, желание помогать другим людям*. Значительную поддержку этого суждения можно объяснить не только религиозными ориентациями молодежи и высоким авторитетом христианских ценностей, но и авторитетом аллоцентрических ценностей у представителей этого поколения.

Специфическим манифестом аллоцентрических ценностей явилось вынесенное на суд молодежи высказывание: *Во мне живет потребность защищать людей. Поэтому я всегда заступаюсь за людей, если убежден в том, что они правы*, однозначно поддержанное 63% респондентов. Лишь 11% опрошенных молодых людей не выразили на вербальном уровне стремления к защите людей и правого дела. Между этими двумя суждениями, являющимися показателями аллоцентрических ориентаций, наблюдается высокий фактор корреляции - 0,31.

Еще одним немаловажным подтверждением высокой значимости аллоцентрических ценностей является оценка респондентами высказывания: *Меня раздражают люди, занятые собой, которые не в состоянии оценить других, стать в их положение, понять*. Оно оказалось в числе наиболее популярных суждений, однозначно поддержанных 79% респондентов, еще 10% не совсем согласились с ним, и лишь 11% отвергли его. К числу суждений, подтверждающих ориентированность молодежи первого поколения системной трансформации на аллоцентрические ценности и индивидуальность не только собственного Я, но и *иного* относится: *В нашем поколении живет увлечение "инаковостью"*. Этого мы ищем в жизни, литературе, кино, где только можно. Оно было полностью поддержано 71% респондентов, 19% не совсем с ним согласились, отвергли 10% молодых людей.

Исключительно ориентированностью на аллоцентрические ценности мы объясняем оценку молодежью, лишенной веры в традиции, авторитеты, собственное будущее, следующего суждения: *Я считаю, что людям надо доверять, каждому дать шанс. Нельзя сразу все отбрасывать*. Это суждение полностью поддержали 66% девушек и юношей, еще 16% не совсем согласились с ним, 19% респондентов отвергли его. Процент сторонников этого высказывания, правда, ниже, чем у предыдущих, но это вполне объяснимо тем, что речь идет об оценке людей, совершивших неблаговидный поступок. В ином контексте уровень поддержки подобного суждения был бы несравненно выше.

Можно предположить, что ориентация молодежи первого поколения системной трансформации на *другого* и вера в человека возникают в ее социальном знании из особой мудрости и углубленности внутренней жизни молодых людей. Т.е., если мы убеждения, связанные с ориентацией молодежи на общность, воспримем как бумеранговую реакцию на углубление психической независимости, то у этого феномена есть лишь аллоцентрично-афилиционная версия объяснения. Можно также предположить, что этот тип убеждений кажется молодым скорее аксиологическим *обязательством*, возникающим из мудрого миропонимания, понимания мира и жизни, нежели личной *потребностью* психического реагирования напряжения одинокой независимости.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что в ходе интервью молодежь ни разу не подняла проблемы конфликтов. Ни тех, что возникают из-за невозможности реализации планов, ни конфликтов между стремлением реализовать собственные потребности и стремлением действовать в пользу иных, чего требует так называемое посвящение и перекладывание чужих проблем на свое "я". Не поднималась также про-

блема конфликтов между реализацией принципа независимости в момент совершения выбора согласно с собственными вкусами и потребностями, сопряженного с необходимостью отказаться от реализации свободного выбора во имя гармонии с чужими мнениями и вкусами.

Итак, исследование показывает, что:

1. Широко распространенные стереотипы о бездушности этого поколения, его душевной черствости и безразличию ко всему, что не касается его личных интересов, не соответствуют действительности.
2. Высокая значимость афилиционно-аллоцентрических ценностей в аксиологической структуре этого поколения знаменательна и неожиданна. В молодежной среде, большая часть которой ориентирована на высокие финансовые доходы, материальное благополучие, жизненный успех (при том, что не все еще способны вербализировать это устремление), конкуренцию и соперничество и не ориентирована на ценности, связанные с "улучшением", реформированием этого несовершенного мира, афилиционно-аллоцентрические ценности становятся

массовой ценностью. Не осознавая ценностной оппозиции между независимостью и общностью, молодежь стремится к уважению чужой независимости, но одновременно создает бесконфликтные условия, удовлетворяющие ее собственные потребности в афилиции.

3. Нельзя исключить, что первому поколению белорусской молодежи периода системной трансформации удастся создать новый тип межличностных отношений, при котором будут реализованы две оппозиционные, но очень важные для этого поколения ценности-потребности, ставшие его "визитной карточкой".

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Świda-Ziemia H. *Obraz świata i bycia w świecie* Warszawa 2000, s.393.
2. Bratkowski P. *Stary hipis patrzy na ludzi sukcesu* – комментарий к интервью "Ta dzisiejsza młodzież" з Н. Świdą-Ziębą roz. G.Sieczkowski . - *Magazyn Gazety wyborczej* n. 46, 1998 г., s.14.

УДК 398

Малашук І.М.

КАНЦЭПТ САЛЯРНАСЦІ Ў СЯМЕЙНАЙ АБРАДНАСЦІ БЕЛАРУСАЎ

Надзвычай багатым матэрыялам для вывучэння духоўнай спадчыны нашага народа з'яўляецца і сямейна-бытавая абраднасць у спалучэнні з адпаведнымі ёй песеннымі творами. На працягу шматлікіх стагоддзяў адбывалася фарміраванне і захоўванне духоўнага багацця беларускага народа, якое складала аснову яго жыцця. А ў агульным комплексе гэтай духоўнасці першае месца займалі тыя асаблівасці і рысы, ад якіх залежалі, паводле народнага ўяўлення, жыццё і шчасце. Ураджай хлеба і працяг рода – асноўныя ўмовы матэрыяльнага і духоўнага жыцця чалавека. Земляробчая міфалогія і абраднасць і сямейная міфалогія і абраднасць былі таму для працаўніка-беларуса вельмі важнымі, непарушна захоўваемымі запаветамі продкаў.

Асабліва вялікае значэнне мае сонца ў вясельным і радзінна-хрэсцінным абрадзе. «Калі нованароджанага першы раз выносілі з хаты, яго як бы паказвалі першы раз усяму Сусвету, усім сусветным сілам і спачатку яго прадстаўлялі менавіта Сонцу» [1, с.83], бо сонца лічылася пачаткам жыцця, і таму вельмі значнай была яго роля пры з'яўленні на свет новага чалавека і стварэнні новай сям'і, новага мікракосму ў Сусвеце. «...вядома, што наогул абрадава – бытавая песенная творчасць у Беларусі была развіта наймаверна моцна і захавалася да нашага часу ў такой колькасці і ў такой старажытнай непарушнасці, як бадай што нідзе ў славянскім свеце... Календарна-земляробчыя і сямейна-бытавыя абрады разам з іх паэзіяй займалі ў жыцці беларускага селяніна надзвычай вялікае месца. Сярод жа сямейных абрадаў самым значным і важным ва ўсіх адносінах з'яўляўся, бясспрэчна, абрад уступлення ў шлюб, якім юрыдычна замацоўвалася ўтварэнне новай сям'і – асноўнай ячэйкі сельскай абшчыны і апоры далейшага эканамічнага развіцця сялянскай гаспадаркі» [2, с.6-7].

Аднак шлюб для працоўнага чалавека быў не толькі вялікім актам гаспадарча-грамадскага значэння. Ён быў і найвялікшым асабістым святам, самым высокім і ўрачыстым момантам, які магло падараваць жыццё. Вяселле давала магчымасць простаму чалавеку выказаць у песнях не толькі пажаданні здароўя, багацця і шчаслівай долі маладым, але і

сказаць шмат чаго іншага, што складала яго погляд на свет і жыццё, на прыроду і людзей. Паколькі «...абрады (у тым ліку і сямейныя – І.М), выпрацаваныя стагоддзямі, несумненны астатак язычніцкага жыцця» [3, с.4], то ў іх архетып сонца прасочваецца даволі выразна і сустракаецца ў многіх вуснапаэтычных жанрах.

Водгукі вельмі старажытнай анімістычнай вобразнасці данеслі да нас у прыгожых паэтычных увасабленнях песні аб благаслаўленні і шлюбе сонца з месяцам: «Благаслаўляўся ясен месяц У свайго краснага соўнышка» [4, с.31]; «Благаславі, божа, сей пасаг. Сцяжлося дзве рэчанькі, сышлося дзве пасажанькі. Першы пасаг – ясны месяц, Другі пасаг – ясна сонца...» [4, с.527]. Патрыярхальны чалавек верыў у самыя інтымныя адносіны не толькі з раслінамі і жывёламі, але і з нябеснымі цэламі. У песнях, вядома, гэта ўжо толькі мастацкі прыём – адзін са спосабаў фальклорнай ідэалізацыі герояў: «– Маладзенькая дружачка, Чаму ж ты харошая? Ці цябе сонца радзіла, Ці цябе месячык выгадаваў?» [4, с.380]; «Ці не сонца яго радзіла? Ці не месячык яго ўгадаваў? Ці не зоры яго калыхалі? Ці не звёзды яго трымалі?» [5, с.13]). Таксама ў жывых, антрапамарфічных вобразах падаюцца сонца, месяц і іншыя сілы прыроды ў песнях, якія спявалі маладой па прыезде ў дом маладога: «Не журыся, дзевачка, Да ў нас табе добра будзе: Да вецер хату мяце, А сонейка пірагі пячэ...» [6, с.31]; «Не плач, маладачка, У нас табе добра будзе: У нас кошкі мыноць ложка, Галкі мыноць лаўкі. Вецер хату мяце, Месяц дзяжу месіць, Сонейка пірагі пячэ, А дожджык па ваду ідзе» [4, с.81].

Нягледзячы на даволі іранічна-гумарыстычны змест прыгаданых песень, трэба ўвогуле падкрэсліць адметную якасць беларускай вясельнай паэзіі – сцвярджэнне хараства сапраўды чалавечых узаемаадносін. Як падкрэслівае Н.Гілевіч, «у вясельных песнях раскрываецца высакародная, чыстая, неразбэшчаная душа чалавека працы. У сукупнасці сваёй гэтыя творы – вялікая і светлая песня Чалавечнасці, песня Каханню і Пяшчоце, песня вечнаму імкненню людзей да шчасця» [2, с.10]. Таму вяселле ўспрымаецца анімізаванай прыродай як вялікае свята, яна разам з чалавекам радуецца і дэманструе

Малашук І.М. БФ БДЭУ.

Беларусь, 213826, г. Бабруйск, вул. Савецкая, 77/48.